

БОЕВОЙ ПУТЬ АНДЖЕЛО МАНТИНИ ТИХООКЕАНСКИЙ ТВД - 24-Я ПЕХОТНАЯ ДИВИЗИЯ

Прелюдия

Анджело Дж. Ред Мантини (Angelo J. Red Mantini, 1916-2003, на фото слева) родился и вырос в угледобывающем краю штата Пенсильвания и в детстве не отличался хорошим поведением. Сам он рассказывал, что его не один раз выгоняли из школы за плохое поведение. Однако то, что он охотно ввязывался в драки, стойкость и сообразительность, которые он проявлял при этом и которые помогали ему выходить победителем, сослужили ему хорошую службу в годы ВМВ, которые он провел на Новой Гвинее и Филиппинах. В боях он нажимал на курок своего Томпсона/Thompson так же оперативно, как в свое время использовал собственные кулаки. «Я всегда был быстр, работая руками, - вспоминал проживающий в городке Форд Сити/Ford City, штат Пенсильвания, бывший сапожник Мантини уже в 85-летнем возрасте. – У меня и в армии была довольно классная репутация. Никто не решался докапываться до меня, даже ротный командир. Я не терпел ничего такого ни от кого.»

Не стоит удивляться, что с такой жизненной позицией во время войны Мантини несколько раз оказывался под арестом и понижался в должности. Крайне редко он позволял кому-то задевать себя, включая старших по званию, и поэтому не один раз, получив звание сержанта, снова оказывался в числе рядовых. Кто-то сказал про него так: «Его мотало вверх-вниз, словно йо-йо. Под конец войны на боевой счет этого бывшего взводного сержанта были записаны более 40 японцев, убитых им на пяти различных островах Тихого океана. Его успехи в уничтожении врага частично были связаны с его опытом игры в бейсбол, которая вырабатывает быструю реакцию, сообразительность, точность, умение взаимодействовать с партнерами по команде и многое другое, необходимое в бою.

Мантини вспоминал: «Когда мы атаковали, я всегда вычислял расстояния относительно размера бейсбольного поля, - вспоминал Мантини. – Я говорил себе: оттуда до туда столько же, сколько вытянуто в длину бейсбольное поле, дай-ка я проверю это своими ногами. Пройду 30 футов в этом направлении, сделаю рывок еще на 30 футов. Как-то я оказался прямо за японским ДОТом. Должно быть, внутри него, кроме остальных, сидела пара парней, которым было нечего делать, так как обычно в нем полагалось иметь 5 или 6 человек, а тут было 8. Стою, в руках у меня фосфорная граната. Осколков она не давала, я никогда особо не верил в мощь ее взрыва. Ну, закинул ее туда и стал ждать, когда джапы выскочат, чтобы перестрелять их.» Сила последовавшего за этим взрыва удивила Мантини: его подбросило в воздух так, «словно кто-то подхватил меня и подкинул.» Придя в себя, он открыл огонь и уложил всех выбежавших из ДОТа японцев. «Если я разбирался с [вражеским] пулеметным гнездом и был один, то всех найденных убитыми японцев записывали на мой счет. Если нас, стрелявших, было трое или четверо, трудно было сказать, кто сколько человек убил. Так что, вероятнее всего, я убил за всю войну сотню японцев.»

Подход Мантини к уничтожению японских солдат может показаться бездушным, но в этом был свой смысл, если принять во внимание фанатизм солдат противника. В безнадежных ситуациях японцы, по большей части, выбирали смерть, временами убивая сами себя вместо того, чтобы сдаться в плен. GI, сталкиваясь с подобными ситуациями, описывали

их как наихудшее из того, что встречается на войне. По словам Мантини, уступая противнику в численности и находясь в окружении, японские солдаты продолжали сражаться и не сдавались невзирая на то, насколько отчаянным является их положение. Если это не помогало, они совершали самоубийство и старались при этом убить как можно больше американцев. Решительность, которую они проявляли при этом, да и сама их [зачастую самоубийственная] тактика ведения боя до сих по вынуждают таких людей как Мантини хранить в душе враждебное отношение к японцам... Американец вспоминал: «Как-то раз на острове Лейте японцы окружили один из наших патрулей и полностью уничтожили его. Наткнувшись на их тела, мы увидели, что им в глаза воткнуты палки и в горло каждому засунуты сучья деревьев. Полагаю, этим они хотели запугать нас, но, в реальности, это нас просто взбесило. И потом, когда мы обыскивали некоторых японцев, мы находили в их карманах [отрезанные] пальцы, это были пальцы американцев, взятые в качестве сувениров. Они уже были засохшими и даже едва ли выглядели, как чьи-то пальцы, но это были человеческие пальцы...»

Медики переливают кровь раненому американцу. Филиппины, остров Лейте

Путь Мантини на Тихоокеанскую войну начался 20 октября 1941 года, когда он, 24-летний парень, был призван в армию и отправлен в военный лагерь *Camp Lee* в штате Вирджиния, где он находился, когда японцы атаковали [Пёрл-Харбор](#). «Я был в Ричмонде, когда джапы атаковали. – вспоминал американец. – Громкоговорители всюду и везде вещали о необходимости вернуться в лагерь. Нам сказали возвращаться на любой машине, идущей в нашу сторону.» Пройдя обучение для службы в частях снабжения, Мантини прибыл на Гавайи восемь месяцев спустя: «Я числился в частях снабжения, когда мы прибыли. Когда мы сошли на берег, ... я оказался в 19-м Пехотном Полку, в Роте A. На наш послужной список даже не посмотрели. Другие парни, такие же, как я, из тех, кто прошел обучение для частей снабжения, тоже попали в пехоту, а те, кто прошел пехотную подготовку, оказались среди снабженцев.»

Боевая подготовка и первые бои на Новой Гвинее

19-й Пехотный был одним из трех полков, входивших в 24-ю Дивизию, носившую прозвище *Победа/Victory*. Она была одной из немногих, прошедших специальную подготовку во время войны как ударное соединение для боевых действий в тропиках. Дивизия появилась в казармах *Schofield* на острове Оаху в 1921 году, и ее назначением стала защита Гавайских островов от вторжения с моря. Ее зенитчики вступили в бой против японцев в первые часы Тихоокеанской войны, благодаря чему он получила название *Первой*,

Вступившей в Бой/First to Fight. В сентябре 1943 года дивизия покинула Гавайи и отбыла в Австралию, где приступила к подготовке к высадке на Новой Гвинею. Уже тогда офицеры заметили, что Мантини является крепким солдатом, и вскоре ему было присвоено звание штаб-сержанта. «Обучение в Австралии было суворой школой, - вспоминал он, – с множеством марш-бросков и горной подготовкой. Как-то раз мы отправились в 100-мильный переход, и только трое из нас прошли весь путь: я и еще двое парней.»

Первой боевой кампанией для дивизии стала атака на крупную базу снабжения японцев в пункте Холландия/Hollandia вместе с 41-й Дивизией. Главной целью атаки был захват трех аэродромов, строившихся в нескольких милях от побережья, для последующего их использования бомбардировочными эскадрильями союзников. Силы вторжения составили крупнейшую десантную группировку из сформированных к тому времени на юге Тихого океана. В нее вошли более 200 кораблей и судов, которые покинули место сбора у острова Гуденаф/Goodenough и высадили людей на берег в 500 милях к западу в ранние утренние часы 22 апреля 1944 года. 41-я Дивизия высадилась близ Холландии в заливе Гумбольдт/Humboldt, 24-я атаковала пляжи в заливе Танахмерах/Tanahmerah в 22 милях западнее.

Американцы не встретили серьезного сопротивления и заняли намеченный участок всего за четыре дня, потеряв 171 человека. Потери японцев, поспешно отступивших вглубь суши, составили около 4 000 человек. «Джалы драпанули, другими словами, нам пришлось идти в горы и искать их, - вспоминал Мантини. – На Новой Гвинею водились кабаны, такие небольшие свиньи, которые бегают стаями и ужас как кусаются. Как-то ночью мы разместили посты по периметру своего расположения, в таких случаях вся рота палит по всему, что движется, после наступления темноты. Не знаю, сколько было на часах, но было темно, и мы спали в своих стрелковых ячейках. Мы привязали веревочки к пальцам, и, когда приходило твое время идти на пост, ты дергал за нее два или три раза, чтобы дать понять другим парням, что ты не спишь. Неожиданно я услышал вой. Это был один из наших парней. Эти свиньи запрыгивали в ячейки и кусали их. Я сказал парню, который был рядом со мной: «Утром я и ты можем оказать единственными, кто остался в живых, когда эти свиньи покончат с нами.»»

Батарея самоходных артиллерийских установок 24-й Пехотной Дивизии ведет огонь по позициям противника. Новая Гвинея, 1944 года

После того, как американцы заняли район Холландии, Мантини узнал, что наиболее ценным сувениром для американцев являются японские мечи. Персонал ВВС США проявил к ним наибольший интерес, при этом некоторые из авиаторов были готовы

заплатить хорошие деньги за подобный трофей. Однако Мантини деньги не интересовали. «Авиаторы хотели сувениры. У них не было шансов заполучить их, потому что они все время летали то в Австралию, то обратно. Некоторые из них пытались всучить мне 500 долларов за один такой меч, что по тем временам было большими деньгами. Но я говорил им: «Нет, так вы их не купите. Дайте нам две бутылки виски по 0.75 л (*two fifths of whiskey - BK*), и вы получите меч.» Как-то раз меч захотел санитар с одного из кораблей, а у них на борту была 50-градусная выпивка. Хорошая штука, лучше, чем обычный виски. Ну, говорю санитару, что единственный способ получить меч - это раздобыть для меня галлон (*3.78 л - BK*) этого бухла. Он так и сделал, и большая часть нашей роты напилась. Вот какой крепкой была эта штука!

Мантини демонстрирует захваченный [флаг удачи](#) японского солдата и трофейные мечи. Новая Гвинея, 1944 год

В другой раз, тоже на Новой Гвинеи, в мой взвод пришел 18-летний паренек, который был готов умереть за японский меч, и я сказал ему, что раздобуду его ему. Как-то я нашел меч на тропе и презентовал его пареньку, но оказалось, что этот самый меч потерял офицер из Роты С, 1-й лейтенант. Он увидел свой меч, узнал его и отобрал его у парня. Я ничего об этом не знал, и, когда вернулся из трехдневного патруля, он сказал мне об этом. Я спросил его, знает ли он, кто этот офицер, но паренек не знал его. Ну, я ему сказал, что, если он увидит его снова, пусть покажет его мне. Прошло три или четыре дня, паренек увидел того офицера и сказал: «Вот он.» Я подошел, посмотрел и узнал меч – он был привязан к вещмешку. Ну, я забрал его. В итоге я сказал офицеру: «Если вы еще раз появитесь и снова начнете докапываться до кого-то из моих парней, я вам башку проломлю.» Офицер ответил, что заставит меня ответить за эти слова. Я сказал ему: «Давайте, действуйте. Вон там КП.» Он ушел, а потом капитан сказал ему: «Вы с этим парнем не связывайтесь. Что бы он ни сделал с вами, ему все по хрену, потому что под арестом он будет в большей безопасности, чем здесь.»

На горизонте Филиппины

Задача по зачистке Новой Гвинеи от остатков пяти японских дивизий, изолированных и рассеянных по внутренним районам Новой Гвинеи, [была возложена на австралийские войска](#). Теперь генерал [Дуглас Макартур](#) (Douglas MacArthur) командующий силами союзников на юго-западе Тихого океана, был полон решимости вернуться на Филиппины. Первоначально он планировал высадку своих войск на остров Минданао, но эта идея была отвергнута, когда один из американских летчиков сообщил о том, что плотность вражеских войск на острове Лейте значительно ниже, чем ранее предполагалось. В то время как освобождение Филиппин в какой-то степени было делом чести для Макартура, для японцев потеря этого архипелага означала серьезный удар по оборонительной стратегии. Успешная атака могла изолировать более 200 000 обстрелянных солдат и офицеров и также поставить под удар судоходные пути между Малайей и островами [Голландской Ост-Индии](#), откуда Япония получала нефть и другие стратегически важные материалы. Генерал [Томоюки Ямасита](#) (Tomojuki Yamashita), прозванный *Малайским Тигром* за свою роль в кампании по [захвату Сингапура](#) в 1942 году, пообещал своему командованию в Токио, что его 14-я Армия будет удерживать Лейте любой ценой.

Филиппинская операция началась 13 октября 1944 года, когда половина сил вторжения погрузилась на транспортные суда в заливе Гумбольдт и взяла курс на Лейте. Находясь на борту, пехотинцы читали, писали письма домой, играли в карты и кости. Вспоминает Мантини: «Существовало правило, что, сержантам первых трех классов – *master, tech* и *staff* – разрешалось играть только с имеющими эти звания. Мы не имели права играть с военнослужащими с более низкими званиями, рядовыми и капралами. Однако случилось так, что все остальные сержанты отправили свои деньги домой до того, как мы вышли в море, так что я начал играть с теми, кто был ниже меня по званию, и тут ко мне подошел майор. Он звал меня *Мэнди/Mandy* (сокращенная версия *Мантини*), ну и сказал мне: «Мэнди, ты знаешь, каковы правила.» Я сказал ему заняться тем, чем ему положено заниматься, потому что не собирался заканчивать игру, в которой выигрывал. Однако, когда я сошел с судна на пляж острова Лейте, я уже был рядовым. Все остальные, приходившие в роту, автоматически становились рядовыми 1-го класса. Так что, во время высадки на Лейте я был одним из старших по возрасту, но имел самый низкий чин по сравнению с другими.»

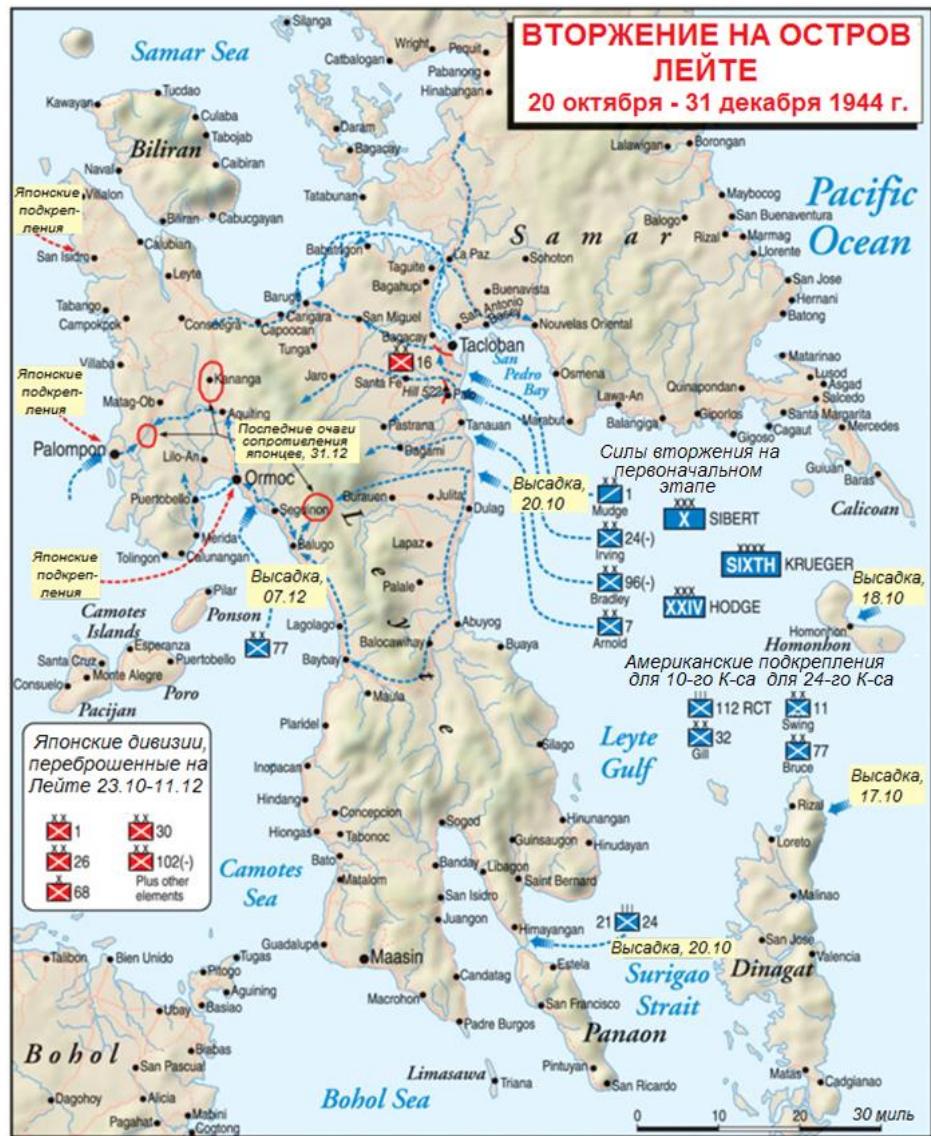
Высадка на остров Лейте начинается

Части 24-й Пехотной Дивизии прорываются к побережью Филиппин на десантных катерах

Наземная кампания на Филиппинах началась 20 октября 1944 года, когда четыре американские пехотные дивизии высадились на побережье рядом друг с другом в секторе протяженностью 18 миль на северо-восточном побережье острова Лейте. Участок высадки 24-й Дивизии находился близ городка Пало/Palo, где два ее полка должны были десантироваться на расстоянии 3 000 ярдов друг от друга: 19-й на южном фланге участка и 34-й на северном. Их первой целью была Высота 522/Hill 522 – ограниченная крутыми склонами кольцеобразная вулканическая постройка, возвышающаяся над прибрежной равниной в одной миле от моря. Это была одна из высот, доминирующих над входом в долину Лейте, и японцы намеревались использовать ее в качестве ключевого пункта обороны. За несколько месяцев до вторжения японцы выгнали на принудительные работы большую часть мужского населения Пало. Эти люди превратили гору в лабиринт пулеметных гнезд, бункеров, траншей и тоннелей. Мы получили приказ атаковать высоту, взобраться на ее вершину и уничтожить всех, кто станет на нашем пути,» - вспоминал Мантини. - Перед вторжением мы начали получать многочисленные пополнения в виде 18-летних ребят. - Среди них был паренек, мы прозвали его Монако/Molaco, он подошел ко мне и сказал: «Эй, Мэнди, у тебя есть аспирин?» Я засмеялся: «Какого черта, я что, выгляжу как ходячая аптека?» Представьте себе, перед самой высадкой у меня просиял аспирин. Он сказал, что ему нужно было это лекарство, потому что ему чертовски страшно. Я ему говорю: «Не думаешь ли ты, что мне тоже страшно?» Он мне: «Тебя ничего не может испугать, Мэнди. Ты ничего не боишься.» Я ему говорю: «Ну да, как же. Еще как боюсь.» По словам Мантини, этот 18-летний паренек, у которого болела голова, не дожил до следующего дня. Он был убит сразу после того, как ступил на пляж – пуля попала ему в середину лба...

Для всех, кто участвовали во вторжении, страх был естественным чувством, и для этого были причины. Никогда ранее они не видели ничего ужаснее происходящего: началась артиллерийская и воздушная бомбардировка побережья. На него обрушились тысячи снарядов, ракет и бомб, и уже вскоре прибрежные джунгли были охвачены пожарами. Наблюдая за этим, Мантини задавался вопросом, как могут японцы выжить в этом аду, и надеялся на то, что вторжение станет не столь трудной задачей. Он оказался в одной из более поздних волн высадки, но и при этом, когда десантные катера находились еще в 1 000 ярдов от берега, в них начали попадать японские снаряды. «Я знал командира другой роты. Не знаю, чем я ему понравился, но, прежде чем мы покинули Новую Гвинею, когда я сидел у костра и кипятил кофе, он подошел ко мне и сказал: «Хотел бы ты перейти в мою роту?» Я сказал ему: «Мне везде достаточно хорошо.» Он мне: «Посмотрю, что можно сделать.» Ну, я так и не попал в его роту. Когда мы подходили к Лейте, его катер шел рядом с моим, и снаряд попал прямо в него, убив всех, кто был на борту. Когда случались такие вещи, я задумывался: почему я выжил, а другие нет...»

Схематическая карта операций на острове Лейте 20 октября – 31 декабря 1944 года

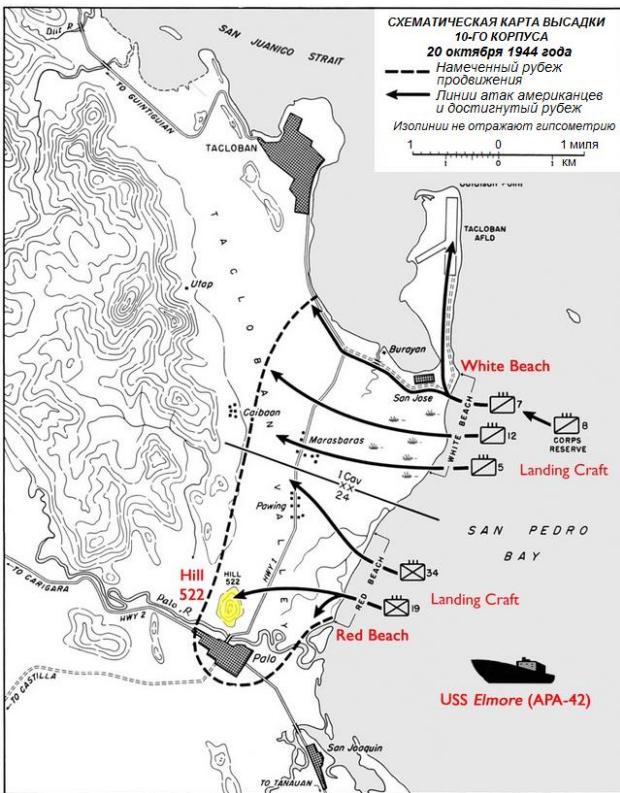
Выйдя на пляж, Мантини бросился на песок и прижался к нему, стараясь хоть как-то укрыться от осколков снарядов и мин, рвущихся рядом с ним. По высаживающимся на берег вели интенсивный огонь с хорошо замаскированных позиций пулеметчики и снайперы, и разбросанные повсюду трупы убитых американцев свидетельствовали о том, что японцы умели стрелять. «Высадка на пляж под огнем противника была самым худшим из того, что было с нами на войне, – говорил Мантини. – Когда бы ни падала рампа десантного катера, по нам открывали огонь, и мы были вынуждены нестись вперед как никогда раньше. В принципе, предполагалось, что мы не встретим никакого сопротивления в ходе высадки. Думали, что по нам не сделают ни одного выстрела. Нам сказали, что джапы засели в городе под названием Таклобан/Tacloban [столица провинции Лейте]. Полагаю, что прежде чем мы сошли на берег, все они были переброшены из Таклобана туда, где мы высаживались, потому что досталось нам крепко. Планировалось, что Макартур будет с нами на пляже Red, но, когда он увидел, что джапы встречают нас по всему сектору, он быстро покинул его и высадился в районе Таклобана, где и была сделана фотография, на которой он идет вброд к филиппинскому берегу.»

Генерал Макартур исполняет свое обещание вернуться на Филиппины, сделанное в 1942 году

Американцы атакуют Высоту 522

Для первых минут высадки на пляж *Red* была характерна неразбериха. 19-й Полк оказался севернее, чем предполагалось, и почти там же, где высадились части 34-го Полка. Так или иначе люди, машины, артиллерийские орудия хлынули на берег. Пехотинцы начали продвижение вперед взводами, ротами, небольшими группами и поодиночке под убийственным огнем противника. Атакующие наткнулись на противотанковый ров, который остановил выдвижение машин за пределы пляжа, часть их оказалась под огнем японских пулеметов, но, преодолевая эти препятствия, американцы не останавливались.

Слева – схематическая карта операций первого дня высадки на Лейте, справа вверху – вид с десантного катера на Высоту 522, справа внизу – вид на Высоту 522 с мемориальным крестом в память о погибших при высадке американцев

В ранние послеполуденные часы 1-й Батальон 19-го Полка медленно продвигался вперед в южной части плацдарма в направлении Высоты 522. Он был встречен пулеметным огнем японцев, которые преградили ему путь по имеющейся дороге к городу Пало. В сложившейся ситуации отряды разведчиков были посланы вперед, чтобы найти обходной путь к Высоте 522. Они вернулись с информацией о том, что к подножию высоты есть несколько путей. Корабельная артиллерия американцев продолжала вести огонь, и вскоре высадившиеся на берег батареи дивизионной артиллерии тоже вступили в бой. Артогонь подавил японские пулеметные гнезда, и GI, на острие которых находилась Рота А, возобновили продвижение вперед

Когда пехотинцы начали пересекать заболоченный участок местности, передовая группа разведчиков попал под огонь из еще пяти вражеских бункеров, находившихся примерно в 100 м впереди них. Рота А пошла в атаку, и американцы уничтожили огневые точки противника, в то время как остальная часть батальона продолжила обходной маневр к северу от высоты, обошла болото и атаковала японские позиции с северо-востока. GI начали восхождение на Высоту 522 по ведущим вверх извилистым тропам, временами цепляясь за виноградные ветки и торчащие из земли корни и таща за плечами оружие, боеприпасы и провизию. Когда атакующие приблизились к вершине, корабельные и дивизионные орудия прекратили огонь. Артиллеристы сделали свое дело, выгнав большое число японцев из укреплений и укрытий на обратный скат высоты. Первой на вершину выбралась Рота В, за которой сразу последовала Рота С. Люди поднимались уже на закате по двое-трое и быстро окапывались на ночь на достигнутом рубеже, истратив все силы после дневного боя. Контратака японцев была только вопросом времени... «Другие роты побили нас в этой гонке, - вспоминал Мантини, - потому что мы напоролись на болото, что замедлило наше продвижение.»

Заняв господствующие над окружающей местностью вершины, американцы, казалось, почувствовали прилив сил. Ближний бой продолжался всю ночь. Мантини предпочитал

бросать гранаты, потому что вспышки от выстрелов могли выдать его местоположение. Нервы у американцев были на пределе, и Мантини вспоминал, что *GI* было непросто оценить масштаб вражеских атак или понять, означают доносящийся до них шум или появляющиеся тени появление противника или нет: «Это была долгая ночь. Остальные вели огонь. Я никогда не стрелял ночью, но в ту ночь почти прибег к этому. Я смотрел на дерево. Смотрю, смотрю, и тут мне показалось, что оно движется. В итоге я разобрался: «Бог мой, если так, то этот парень уже должен быть здесь. Я понял, что это был небольшой куст дальше вниз по склону. Если ты пляшишься на что-то достаточно долго, ты начинаешь думать, что оно движется.»

Сна для американцев в ту ночь не было, как и в следующую. Люди слышали непрерывный грохот артиллерии, обстреливавшей с пляжа *Red* ведущие к Пало из японского тыла дороги, стремясь заблокировать переброску подкреплений на передовую. Когда наступил рассвет, японцы возобновили свои атаки с еще большим энтузиазмом. Это были солдаты и офицеры 16-й Дивизии, ветераны боев в Манчжурии, в прошлом одолевшие американцев в [сражении за полуостров Батаан](#). Ожесточенные бои в лабиринтах траншей продолжались еще два дня. ДОТы, подавленные в ходе первоначальной атаки, снова ожили, тоннели снова наполнились японцами. Американские огнеметчики выжигали их, пехотинцы находили вентиляционные ходы тоннелей и где-то блокировали их, а где-то забрасывали в них фосфорные гранаты. Задыхающиеся, охваченные пламенем японцы выбегали на поверхность, где их расстреливали из винтовок, автоматов и пулеметов. Мантини вспоминал о том, какое огромное впечатление на него произвела способность разведчиков находить хорошо замаскированные японские укрепленные точки: «Не знаю, как они это делали, но эти люди выявляли позиции джалов со стопроцентной точностью. Они говорили нам: «Вон там огневая точка, один туда, один сюда.» Мы шли вперед, и, конечно же, они оказывались правы. Понятия не имею, как они умудрялись добывать эту информацию, но им это удавалось.»

Американские части начали выбивать японцев с их позиций у подножия высоты, самолеты приступили к сбросу боеприпасов и провианта пехотинцам, закрепившимся на вершине. Как рассказывал Мантини, не было ничего необычного в том, что обе стороны неожиданно прекращали огонь, чтобы подобрать сброшенные пищевые рационы: найти провиант было важнее, чем убить врага. «Все, что падало на вершину, подбирали мы, - говорил он, - все, что падало на склоны, доставалось японцам. Когда куда-то сбрасывали провиант, ты мог [спокойно] пройти к этому месту, при этом никто не стрелял...»

Эпизод с японскими снайперами и завершение боев за *Высоту 522*

Об случившемся далее с Мантини написал в своей книге немецко-американский писатель [Ян Валтин](#) (Jan Valtin) в своей, как ее характеризуют, *полнейшей анекдотов* книге *Children of Yesterday*, посвященной истории боев 24-й Пехотной Дивизии Филиппинах, в которых он сам принимал участие: «Оголодавший и оставшийся в одиночестве на *Высоте 522* рядовой Анджело Мантини из Киттанинга, Пенсильвания, в гражданской жизни – сапожник, стал пробираться в направлении пляжа *Red* в поисках провианта. На половине пути вниз по склону он наткнулся на пятерку [вражеских] снайперов, в засаду которых попала группа солдат, переносивших припасы. Мантини решил, что «ни один *nip* (*Nip* – еще одно прозвище японцев, происходит от слова *Nippon* – ВК) не остановит меня, когда мне нужно набить брюхо.» Он убил все пятерых и захватил с собой все их оружие. Среди трофеев оказалась американская автоматическая винтовка. За пять минут до этого командир дивизии, генерал Фредерик Ирвинг (Frederick Irving, 1894-1995), прошел через участок этого боя. Снайперы, настроенные на то, чтобы уничтожить переносчиков припасов, дали генералу пройти целым и невредимым.»

Вспоминает Мантини: «Они, вероятно, не знали, что это генерал, в противном случае они бы его шлепнули. Или же они дали ему уйти, потому что ждали провианта. Они были голодны и знали, что у Ирвинга с собой ничего нет. Японцы не стали открывать огонь, пока не поняли, что в поле зрения провиант. После этого настоящий бой и начался.»

Группа солдат, о которой шла речь, была послана вниз с вершины, чтобы принести воду и рационы, но, чтобы сделать то, им на обратном пути необходимо было пройти мимо позиций японских снайперов (вероятно, это были просто стрелки-пехотинцы – ВК) и пулеметчиков. Возвращаясь с грузом, эта группа попала под огонь и была прижата к земле на протяжении двух часов. Мантини видел, в каком трудном положении оказались его товарищи, и направился в их сторону. Вот что он рассказал: «Я стал спускаться вниз по склону, когда увидел какой-то отблеск. Это блеснула сталь *Браунинга*, захваченного ими ранее, вероятно, в качестве трофея на Батаане. Вороненное покрытие с него сошло, и сталь сверкала как зеркало. Японец поднял его, чтобы открыть огонь, и я увидел этот отблеск. Плюхнулся на землю, и, когда он выстрелил, я уже укрылся за небольшим бугорком. Я точно знал, где залегли остальные, и перестрелял их. Когда я подошел поближе, раненый японец прикинулся мертвым, но в одной руке у него была граната, а другой он пытался выдернуть чеку. Ну, я наступил ему на руку и не дал этого сделать. В итоге я сказал оказавшемуся рядом новичку проткнуть ему горло. Кровь хлынула фонтаном на три фута вверх. Он так или иначе умирал...»

На шестой день после высадки продолжалась зачистка позиций японцев на *Высоте 522*. Входы в тоннели и вентиляционные ходы подрывали или заваливали камнями и бревнами. Заблокированным в них японцам оставалось умереть от голода или покончить с собой. Пленных не брали, раненых добивали. Взятие высоты обошлось 1-му Батальону в 14 убитых и 95 раненых. Генерал Ирвинг позднее вспоминал: «Если бы *Высота 522* не была взята, мы могли бы потерять тысячу человек.»

Командующий 10-м Корпусом генерал-лейтенант [Фрэнклин Сайберт](#) (Franklin Sibert, слева) совещается с генерал-майором Ирвингом. Остров Лейте, октябрь 1944 года

После *Высоты 522*

«Мы продолжали перепрыгивать с одного холма на другой, пока не взяли под контроль всю местность, – вспоминал Мантини. – Нас поддерживал отряд тяжелого оружия. Мы заняли одну из высот и получили хороший обзор и превосходную позицию для пулеметов. Ну, говорю тем, кто ими командовал: «Вы должны разместить пулемет здесь. Отсюда открывается отличный вид на долину.» Они сказали, что не хотят этого, я и говорю: «Больше сюда не возвращайтесь, чтобы сказать потом, что вам здесь нравится, после того, как я вырою здесь окоп – вам он не достанется.» Начал окапываться, было чертовски трудно, потому что пришлось ворочать большие глыбы. Окоп был вырыт примерно наполовину, когда пришли эти парни и сказали: «Мы передумали.» Я сказал им: «Не надо

мне говорить, что вы хотите остаться здесь, потому что этот окоп вы не получите.» Слово за слово, и они начали угрожать мне, что придут с ротным командиром. Я ответил им: «Идите и говорите с кем угодно, но эту долбаную яму вы не получите.» Ох, и разозлился я! Ну, они ушли и переговорили с ротным. Он вызвал меня к себе и сказал: «Знаешь, Мэнди, это наилучшая позиция для пулемета.» Я ему: «Смотрите, я этим парням говорил об этом, но они ее не захотели. А теперь, после того, как половина окопа открыта, она им понадобилась.» В итоге я сказал им: «OK, забирайте эту чертову дыру. Меня это бесит, но давайте, действуйте.» Минут через 10 эти ребята закончили рытье окопа, было их трое, и тут начался артобстрел. Снаряд угодил прямо в него и убил всех троих...»

Американцы атаковали, в основном, днем, в то время как японцы предпочитали дожидаться для этого темноты. Они продвигались скрытно и неожиданно появлялись из ниоткуда, стреляя, бросая гранаты и вопя *Банзай!*, рассчитывая что противник будет парализован страхом.

Февраль 1945 года, Филиппины. Солдаты 24-й Дивизии осторожно продвигаются вперед...

Мантини по-прежнему был вооружен автоматом *Томпсон* и предпочитал иметь 30-патронные коробчатые магазины. 15 патронов в магазине, по его мнению, было недостаточно, а при использовании 50-патронного ствола автомата перегревался. Идя в бой, Мантини всегда имел при себе шесть магазинов. «Я хорошо стрелял из *Томпсона*. Всю войну я носил один и тот же автомат. Где бы я ни был, он всегда был со мной. Его приклад был немного погнут, но я никому не давал даже прикоснуться к нему и всегда держал свое оружие в чистоте. Я носил в нагрудном кармане зубную щетку, масло и тряпку, и каждый раз, когда мы останавливались, я чистил его. Некоторые говорили, что *Томпсон* вечно заклинивает, но с моим такого ни разу не было. Каждому в моем взводе я говорил: если хочешь *Томпсон*, я его тебе добуду. Я любил приговаривать: «Если противник выпустил по тебе один патрон, выпусти в него тысячу. Тогда, когда ты будешь вести огонь по ним, они по меньшей мере, не будут высовывать свои головы, чтобы разглядеть, где ты находишься.»»

Новая наступательная операция

К концу октября марш 24-й Дивизии вдоль побережья Лейте завершился с потерей 638 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Ее следующей целью была долина Лейте протяженностью 35 миль и шириной 10 миль. По долине протекало множество сливающихся и расходящихся водотоков, здесь располагалось большое число плантаций, выращивающих рис, бананы, кокосы и папайю. В дождливые месяцы цветущие поля были постоянно залиты паводками, и тихие ручьи превращались в реки. Сезон дождей еще не завершился, когда дивизии предстояло новое наступление.

19-й Полку получил приказ взять город Пастрана/Pastrana, находившийся на ее южном фланге, и заблокировать одно из двух шоссе, выходившее из долины. Эта цель была

достигнута, но лишь после ожесточенных боев, в том числе, уличных. Другие небольшие городки быстро пали один за другим, пока не полк не уперся в расчлененный горный массив близ города Ормок/Ormoc на западном побережье острова, куда прибывали японские подкрепления, выдавленные с островов Лусон и Минданао. Здесь, на этом участке фронта, рота, в которой служил Мантини, была выбрана для выполнения опасного задания в глубине

поросшой джунглями и кишевшей японцами территории... Погрузив на себя пищевые рационы на 9 дней для 275 человек, Рота А вышла в путь в сопровождении филиппинских партизан-проводников. Перед ней была поставлена задача лишить японцев возможности использовать древнюю испанскую тропу, соединявшую несколько горных перевалов с озером Данао/Danao (см. карту слева), и прикрыть левый фланг дивизии. Мантини рассказал, что пробиться к высоко расположенным перевалам можно было только с помощью мачете, при этом люди могли иметь при себе лишь столько боеприпасов и провианта, сколько могли унести.

В первый же вечер марша боевая группа столкнулась с первым препятствием – японским аванпостом - и попала под пулеметный огонь. Один филиппинец-проводник и двое вражеских солдат были убиты в этой стычке. На второй день колонна наткнулась на более крупный отряд японцев, пытавшихся пересечь горный массив со стороны Ормока. Противник был остановлен, но многие японцы бежали в джунгли. Большую часть третьего дня рота пробивалась в направлении озера Данао, и ближе к полуночи, под проливным дождем, японцы снова атаковали американцев. Местами противнику удалось пробиться через внешнее оборонительное кольцо роты, после чего японцы пошли в штыковую атаку, бросая гранаты. Атака была остановлена, и на рассвете между стрелковыми ячейками американцы насчитали 12 японских трупов. Четвертый день не стал чем-то особым. Разведывательные патрули обнаружили еще два японских аванпоста, результат был тем же. К этому моменту, по воспоминаниям Мантини, он был сът по горло войной, недостаточными рационами и, в особенности, местными природными условиями: «Я был искусан от голеней до колен москитами и муравьями. Вдобавок ко всему, там были пиявки. Приходилось прижигать их, держа кончик сигареты в 1/8 дюйма от кожи, пока пиявка не отвалится.»

Мантини (справа) и его товарищ позируют, сидя на обломках уничтоженного японского самолета, который осматривают в поисках сувениров...

В следующие пять дней условия, в которых находились американцы, стали еще хуже. Стычки с японцами участились, запасы провианта истощились. GI питались бананами и корнями *таро*, в чем была некоторая ирония, потому что лист *таро* был эмблемой их дивизии (см. рисунок слева). Непрерывные дожди превращали жизнь в кошмар и заливали стрелковые ячейки водой и жидкой грязью. Солдатские пончо были единственным укрытием от дождя. Во время одного из ожесточенных схваток за гребень одной из гряд, протекавшей непосредственно перед наступлением темноты, рота попала в настоящий шторм, который сделал

продолжение боя невозможным. Мантини вспоминал, что они отошли в глубокий каньон и создали оборонительный периметр на «мысу», вдающийся в дно долины, словно остров. Уже вскоре грохочущий поток воды окружил сбившихся в кучу пехотинцев. Вспышки молний выхватывали из темноты снесенные и подхваченные водой деревья, перемешанные с трупами японцев, только что убитых в бою. «Вы бы не поверили в то, как высоко поднялся уровень воды за столь короткий период времени. Сначала глубина реки была всего 10 футов, затем, совершенно неожиданно, она выросла до 30 футов, и нам пришлось перебираться на более высокий участок местности,» - вспоминал американец. Когда рота через девять дней после выхода в горы воссоединилась со своим полком, в строю оставались всего 120 человек. Остальные были убиты, ранены, страдали от истощения и от воздействия тяжелых природных условий.

К Рождеству 1944 года Лейте был очищен от японцев. С момента высадки американцев на пляж *Red*, состоявшегося 66 днями ранее, погибло около 7 300 японцев, 24-я Дивизия потеряла около 2 000 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

Миндоро

34-й Полк был оставлен на острове с оккупационными целями, остальные два полка дивизии получили приказ высадиться на острове Миндоро, который был необходим американцам для строительства аэродромов, с которых их самолеты могли бы атаковать японские морские пути в окрестностях Филиппин и в проливах между островами архипелага. В отличие от Лейте, значительные по площади внутренние районы Миндоро в прошлом почти не были изучены, и карт для них не было. На Миндоро отсутствовали

большие по численности силы японцев – их было всего около 700 человек из состава 8-й Дивизии. 15 декабря 19-й Полк высадился на Миндоро в районе его юго-западного окончания близ деревни Сан-Хосе. Десант не встретил сопротивления. Мантини, который к тому времени снова был произведен в штаб-сержанты, столкнулся лишь с одним японским солдатом. Вот что он рассказал об этом: «Мы набрели на сарай, в котором оказался этот крепкий японец, самый здоровенный из всех, которых я когда-либо видел. Ну, я выпустил в него то, что было в моем магазине, но он все еще держался на ногах и двигался. В тот момент я увидел на столе тесак для разделки мяса. Я сказал кому-то войти в сарай и расколоть ему башку этим тесаком. Когда ему развалили голову, стали видны его мозги, но джап отказывался падать и ходил кругами. Думаю, он был пьян. Парень, стоявший рядом со мной, был вооружен винтовкой М-1, и я сказал ему: «Всади в него восемь пуль.» Он так и сделал, но джап все еще держался на ногах! В итоге, когда мы уже уходили, я сказал своим: «Оставьте его в покое. Раз он все это выдержал, он заслужил, чтобы его оставили одного.»»

Хотя японцев на Миндоро было немного, американцам на острове приходилось непросто, особенно на пляжах, где самолеты противника ежедневно бомбили их и обстреливали. В этой ситуации у американского командования сложилось впечатление, что вот-вот начнется контрнаступление японцев, и был отдан приказ окапываться и размещать в полосе обороны пулеметные гнезда. В таких условиях американцы, дислоцированные на пляжах, провели Рождество. Вспоминает Мантини: «Это было худшее Рождество в моей жизни. Парни рядом со мной гибли под бомбами и снарядами. Мы ожидали вторжение с моря, но этого так и не случилось.»

Зачистка Миндоро от японцев, рассеявшихся в горной местности, заняла у американцев четыре месяца (!). Противник действовал небольшими группами и даже поодиночке, и вот что писал об этом генерал [Роскоу Вудрафф](#) (Roscoe Barnett Woodruff), сменивший генерала Ирвинга на посту командира 24-й Дивизии в ноябре: «С джапом, в отличие от немцев, было бы значительно легче воевать, если бы он, будучи загнанным в угол, сдавался. Но такого не было. В тактическом плане сначала ты побеждаешь его в бою, а потом ты вынужден тратить дни, а иногда недели и месяцы, на выковыривание его [из укрытий] и уничтожение. Долгие, невыносимо трудные дни в джунглях и горах заканчивались выжиганием нипов из пещер огнеметами, которые приходилось тащить на себе 20 миль.» Так или иначе, противник был уничтожен. Потери японцев на Миндоро составили 600 человек убитыми, и – редкий случай! – 73 человека сдались в плен. Двоих из них взял в плен лично Мантини. Вот что он рассказал об этом: «Как-то раз мы продвигались вперед, и из какой-то ямы появился джап с белым платком, обмотанным вокруг руки. Я пополз в его сторону и сказал моим людям стрелять в одном фунте над моей головой, если в поле зрения покажутся другие джапы. Приблизившись к нему, я спросил, наведя свое оружие на ту самую яму, из которой он только что выполз, есть ли там еще кто-то. Сразу после этого оттуда появился еще один и сказал: «Привет, да.» Я спросил его, почему он не выбрался первым, раз он говорит по-английски, и он сказал, показывая на другого джапа: «Если бы вы застрелили его, я бы не стал вылезать.» Я ему: «Как ты выучил английский?» Он мне: «Я учился в колледже в южной Калифорнии. Когда я вернулся домой, меня сразу же призвали в армию, так что я здесь.»

До того, как остров был зачищен от противника, японцы разместили артиллерийские позиции на расположенному у северного побережья Миндоро небольшом острове Верде/Verde (см. карту слева), на высоте, прозванной *Mickey Mouse Hill*. С этой позиции японцы обстреливали американские корабли и суда, проходившие через пролив Верде. Здесь же действовала японская радиостанция, с помощью которой японцы докладывали о наблюдаемых ими перемещениях американских кораблей в направлении Лусона, на который союзники вторглись месяцем раньше. Поступил приказ уничтожить артиллерийскую позицию и радиостанцию, после чего, 23 февраля 1945 года, небольшой отряд пехотинцев 19-го Полка, сопровождаемый филиппинскими партизанами, взял курс на остров Верде. Это был четвертый остров для Мантини, самый небольшой по размеру. В паре миль от него на воду были спущены шлюпки, в которых разместились пехотинцы, тронувшиеся в путь на веслах. Место высадки и подходы к артиллерийской позиции должны были обозначены световыми сигналами, подаваемыми филиппинцами, находившимися на Верде. Вспоминает Мантини:

Вообще, у филиппинцев больше 7 000 островов, и тут их была хренова туча. Так нам казалось по пути к берегу. Когда мы дошли до Верде, было темно, темнее, чем в преисподней. Каждому приходилось держаться за парня, стоявшего впереди, так было темно. Предполагалось, что мы увидим световые сигналы, когда доберемся, но их не было. Я сказал своему приятелю: «Думаю, все накрылось. Нет никакого долбаного светового сигнала.» Но прошло немного времени, и он появился, так что мы пошли в этом направлении.

С нами было двое филиппинских проводников. Для меня филиппинцы выглядели так же, как и японцы. Их трудно различить. Я сказал командиру: «Кто эти парни?» Он мне: «Они знают, где находятся орудия, которые мы должны вывести из строя.» Я говорю: «Не знаю, не знаю. Эти ребята выглядят как джапы.» Он мне сказал, что это не так, что ты можешь посмотреть на их глаза и сказать, японец это или филиппинец. Но я не видел, в чем разница, у меня так и не получилось. Ну, предположительно, джапы схватили тех двух проводников, за которыми мы шли. Мы услышали дьявольский вопль, и наш командир сказал, что оба они в руках врага. Я говорю: «Если японцы их взяли, где тогда их трупы?» Он сказал, что они [японцы] унесли их. Я ему: «По мне все это отдает ловушкой.

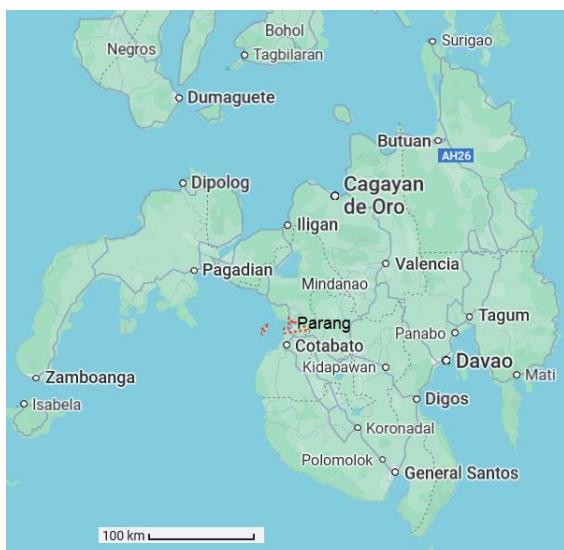
Итак, двое парней пропали, и мы больше их так и не увидели. Командир спросил меня: «Как вы думаете, что мы должны сделать?» Я ему: «Вы знаете, где находятся эти орудия?» Он говорит: «Нет.» Я сказал, что тоже не знаю. Он говорит: «В каком направлении вы бы пошли?» Я ему: «Вы знаете, откуда мы пришли, не так ли? И вы не знаете, куда идти дальше, правда ведь?» Тогда он сказал: «Вы предлагаете вернуться?» Я ему: «Позвольте мне сказать вам кое-что. Лучше будет, если мы не будем стоять на месте, потому что они собираются хорошенько засыпать это место снарядами.» Только я успел я это сказать, как начали падать их снаряды, но мы к этому моменту были уже у воды и вне их досягаемости. Я думаю, эти филиппинские проводники на самом деле были джапами, которые вели нас в засаду.»

Отряд американцев обыскивал остров следующие два дня, несколько раз сталкивался с противником и возложил выполнение задания на местных партизан, прежде чем покинуть остров. Мантини рассказал, что филиппинцы нашли одно большое орудие, но японцы сняли с него какую-то важную часть, прежде чем удрать. Через несколько дней местные сообщили о том, что орудие все еще на месте, поэтому на остров послали еще одну группу

американцев, на этот раз – минометную часть, которая покончила с японским присутствием на Верде...

Минданао

Последние бои, в которых участвовал Мантини, имели место на острова Минданао, где был дислоцирован крупнейший и последний укрепленный район противника, где после падения Манилы занимали позиции около 50 000 японцев. Находившиеся в изоляции части противника не могли замедлить операции союзников, но, в соответствии с политикой Макартура, их уничтожение было необходимо для полного освобождения Филиппин. На Минданао, как и на Миндоро, были районы, на которые не было карт. Кроме того, на острове проживали такие племена как *Moro* и *Manobo*, лояльность которых по отношению к американцам была под вопросом. Покинув гавань Сан-Хосе 13 апреля, два полка 24-й Дивизии (позднее к ним присоединится 31-я Дивизия американцев) через четыре дня высадились на берег в районе города Паранг/Parang в заливе Моро, на западном побережье Минданао (см. рисунок слева). Это застало врасплох японцев, которые ожидали высадки американцев на восточном побережье острова и сосредоточили на нем свои основные силы.

Не встречая сопротивления, американцы заняли полосу побережья протяженностью 35 миль и без труда продвинулись на 5 миль вглубь суши к концу первого дня операции. Высокие горы, глубоко врезанные долины и около 50 рек и ручьев отделяли американцев от их главной цели – города Давао/Davao, расположенного в 150 милях к востоку. Чтобы дойти до нее, части 24-й Дивизии преимущественно следовали Национальному Шоссе/National Highway, в основном, однополосной дороге, вдоль которой на различных участках располагались небольшие аванпосты японцев, готовых сражаться до последнего человека. Обычным делом былиочные засады и разнообразные ловушки, замедлявшие продвижение. Наиболее опасными и разрушительными были уложенные

в виде мин 500-фунтовые авиабомбы. Несмотря на эти препятствия американцы пересекли остров Минданао менее чем за две недели. Они вышли к городу Дигос/Digos на восточном побережье 28 апреля и обнаружили там брошенные пушки и ДОТы, которые смотрели в море, что указывало на то, откуда японцы ожидали вторжения.

Дивизия начала свой 40-мильный марш на Давао, где их поджидал 10 000-ный контингент противника. Тактика японцев становилась все более изощренной, их трюки все более разнообразными. Впрочем, один из них, а именно, использование английского языка для того, чтобы сбить противника с толку и поймать в ловушку, они применяли повсеместно от Бирмы до Новой Гвинеи. Так, в одном случае, увидев, что на земле лежит раненый американец, один из японцев крикнул *Medic!*. Санитар бросился на помощь и был застрелен. В другом японский солдат вырыл стрелковую ячейку близ тропы в джунглях, положил в нее мину и скрылся. Когда группа американцев проходила мимо, японец открыл по ним огонь, вынудив нескольких из них спрыгнуть в этот окопчик, где они были немедленно убиты взрывом... Был также случай, когда японский снайпер открыл огонь по американцам, идущим по тропе, намеренно раскрыв свою позицию. Двинувшийся в его сторону патруль попал под пулеметный огонь с обеих сторон и понес потери. Эта вероломная практика сильно обозлила американцев и подняла их боевой дух, о чем свидетельствует репортаж военного корреспондента, где-то в это время опубликованный в газете, выходящей в городке, в котором до войны проживал Мантини. В нем рассказывалось о боестолкновении, случившемся, когда четыре роты 19-го Полка

продвигались в направлении Высоты 550, господствующей над Давао. На ней располагались хорошо укрепленные позиции японцев с множеством ДОТов и других огневых точек:

Штаб-сержант Анджело Дж. Мантини из Киттанинга, штат Пенсильвания, сапожник по профессии, подавил огонь 25-мм зенитной пушки с помощью своего автомата (tommy gun) и убил пятерых японцев, составлявших ее расчет. Рота Мантини из увенчанного лаврами 19-го Полка Дивизии Victory продвигалась в направлении стратегически важной высоты близ Давао. Идущий впереди разведчик был ранен, и Мантини взял командование на себя. 25-мм зенитка джапов повела по ним стрельбу с близкого расстояния. Мантини, стоя в полный рост, открыл огонь по артиллеристам из своего автомата. Тридцать пуль из его магазина сразили пятерых джапов и заставили пушку замолчать. По словам его командира роты, в боях на Новой Гвинее, Лейте, Миндоро, Верде и Минданао Мантини уничтожил более сорока джапов.

«После этого мой ротный командир сказал, что собирается представить меня к Кресту за Отличие в Службе/Distinguished Service Cross, - вспоминал Мантини, - однако ничего из этого не вышло.»

Солдаты 24-й Дивизии укрываются от артиллерийского огня противника близ Национального Шоссе, ведущего к Давао

2 мая американцы пробились в опустошенный город и обнаружили, что из его 90 000-тысячного населения в нем осталось около сотни человек. Люди или бежали в горы, или погибли под перекрестным огнем в ходе городских боев, неизвестное их число, как и [в Маниле](#), было казнено японцами.

После занятия Давао американцам не удалось отдохнуть. Противник заблаговременно переместил значительное количество своей артиллерию в окружающие горы и приступил к ежедневным обстрелам города. Кроме этого, японцы продолжили свои самоубийственные атаки, при этом в их тактике появился новый элемент. На вторую ночь после занятия Давао они пошли в атаку, бросая гранаты и стреляя во все стороны, но на этот раз к их животам

были привязаны противопехотные мины. Они осуществили пять таких [банзай-атак](#) в центре города, и пули американцев не раз вызывали детонацию этих мин. Командные посты некоторых рот докладывали о том, как на них падали оторванные руки, ступни и головы разорванных в клочья японцев...

На Минданао американцев ждали еще три месяца боев к северу и к западу от Давао, где наиболее трудной местностью для ведения пехотного боя оказались

[плантации *абаки*](#), также именуемой [манильская пенька](#). Эти растения, достигающие 15-20 футов в высоту (см. фото слева), давали японцам прекрасные возможности для того, чтобы поймать в засаду уставших от непрерывных боев американцев. Со временем авиация американцев начала применять напалмовые бомбы для выжигания полей *абаки*, что спасало солдатские жизни, но и усиливало жару, что сказывалось на людях. Некоторые роты к этому времени уменьшились в численности до 70 человек, многие из выбывших из строя пострадали от перегрева и обезвоживания организма. Вода становилась все больше драгоценностью. Мантини вспоминал о том, что не раз приходилось наполнять флягу из болот или заполненных водой воронок от бомб, в которых были трупы японцев... Пара таблеток для очистки и обеззараживания воды, по-видимому, делала безопасной ее употребление.

Удача отворачивается от Мантини

Не получив ни единой царапины в ходе пяти высадок на острова и долгих месяцев боев в джунглях, 24 июня 1945 года Мантини в последнем столкновении своей роты с противником за всю войну был ранен осколками гранаты в обе руки. Вот что он рассказал об этом: «Шел бой, я вел огонь, и три гранаты упали рядом со мной. Я сумел бросить свой автомат и отшвырнуть назад две из них, но одна оказалась справа от меня, и я знал, что не смогу дотянуться до нее, прежде чем она взорвется: у меня на все было четыре или пять секунд. Я попытался сместиться в сторону, но взрыв удариł меня под предплечья и разорвал мои башмаки и мой рюкзак. Я участвовал в каждой атаке моей роты за всю войну, а эта была последней.» Мантини вытащили с поля боя на носилках, позднее он увидел *GI*, пострадавших сильнее, чем он, по-видимому, от *дружественного* огня. «Минут за двадцать или где-то так до того, как я был ранен, я посмотрел назад ... и увидел, как наши самолеты бомбят наших же людей. Я был ранен вскоре после этого, меня несли на носилках, и всюду и везде лежали наши солдаты. Я сказал парням, которые несли меня: «Оставьте меня здесь. Заберите одного из тех парней. Я дойду пешком...»

Мантини был награжден *Бронзовой Звездой*, находясь в армейском госпитале на Лейте, где он оставался до конца войны: «Когда я выписался из госпиталя и прибыл в штаб моей роты, там все оказались новичками, даже ротный. Он вызвал меня к себе и сказал: «Мы направляемся в Японию в составе оккупационных сил. Вы хотите присоединиться к нам? Я сказал ему, что единственное, куда я хочу отправиться – это домой. Так что я остался на

Филиппинах ждать, пока людей, грузы и все остальное не отправят в Японию, застрял на Лейте, и никак не мог выбраться оттуда.»

Возвращение домой

24-я Дивизия отправилась в Японию в конце сентября. Мантини прибыл в Сан-Франциско только 27 ноября 1945 года, после чего отправился домой на поезде без гроша в кармане. «Мой служебная папка с документами была где-то в пути, когда я был ранен. Мне сказали, что неизвестно, где она. Должно быть, она уехала в Японию, потому что мне ничего не платили. Каждый раз, когда поезд останавливался, другие парни спрыгивали и бежали в винный магазин. У все остальных были деньги на виски, а я был с пустыми карманами.»

Мантини был демобилизован 14 декабря. Все четыре года войны ему каким-то образом удавалось избегать симптомов малярии, пока он не вернулся домой. Вот что он рассказал об этом: «Она добралась до меня после войны. У меня случился приступ на первое Рождество, проведенное дома. Сначала тебя прошибает пот, потом тебя начинает знобить так сильно, что ты не можешь навалить на себя достаточное число одеял. Но там, [на войне], со мной этого ни разу не было. Забавно то, что нас снабжали таблетками [атабрин, разновидность хинина], от которых желтела кожа, поэтому я ни разу их так и не принял. Я не хотел, чтобы моя кожа пожелтела. Будучи взводным сержантом, я должен был первым принимать эти таблетки по утрам, стоя напротив своих солдат. Но я только прикидывался, что делаю это. У меня и правда это здорово получалось. Я держал таблетку в руке и бросал ее себе в рот. Она ударялась в шею пониже уха и отлетала футов на 10. Однако я должен был быть уверенным в том, что все остальные в моем взводе приняли ее.»

Анджело Мантини в последние годы жизни

Через 60 лет после войны Мантини так говорил о фронтовой дружбе: «Воевать лучше всего в пехоте, а не где-нибудь еще... Пехота – это что-то особенное. Конечно, когда ты в бою, ты подвергаешь себя опасности, но, думаю, это – лучший род войск по сравнению с другими. В пехоте все парни – братья.»

Источники

<https://warfarehistorynetwork.com/article/red-mantini-hero-of-the-24th-infantry-division-in-philippines/>

https://usselmore.com/crew/shipboard/hill_522/hill-522.php

https://en.wikipedia.org/wiki/Jan_Valtin

Перевод и литературная обработка – Владимир Крупник

Возврат к главной странице www.warsstory.org